

УДК 910.1

Территориальная идентификация в географии и вернакулярные районы

А.М.Трофимов, М.Д. Шарыгин, Н.Н. Исмагилов

Казанский государственный университет, Пермский государственный университет

Постиндустриальная стадия развития общества предполагает интенсивное функционирование информационно-коммуникационной системы и социально-культурного сервиса, гуманизацию географического пространства и, как следствие, повышенное внимание к проблемам территориальной самоидентификации человека и самоорганизации жизнедеятельности людей. Во второй половине XX столетия появилось понятие «территориальная общность людей» (ТОЛ), которое отражает пространственную форму жизни населения.

ТОЛ и ее самоорганизация привлекли внимание ученых и политических деятелей разных стран и регионов. Наиболее активными были историки, социологи, политологи, географы, экономисты и др. При этом ТОЛ получала разные названия – «социум», «территориальный коллективизм», «этнос», социальная общность и др. Отсюда следует разнообразие подходов и целей изучения ТОЛ. На этом фоне выделяется специфика исследования ТОЛ географами и социологами.

Одним из первых употребил термин «ТОЛ» географ Л.Я. Зиман [3], «привязав» его к задачам районирования. Экономический район, считает он, - это прежде всего определенная общность людей, складывающаяся на определенной территории в условиях определенной географической среды.

В процессе географических исследований территориальных аспектов жизнедеятельности людей сформировалось учение о ТОЛ, которое стало базисом для развития социальной географии. Наиболее полное представление о ТОЛ дал А.А. Ткаченко [13].

ТОЛ – это локализованная в географическом пространстве группа людей, тесно связанная множеством территориально опосредованных социальных, экономических, культурных, политических и духовных отношений. Одной из основных предпосылок организации людей в социальную общность является принадлежность к определенной территории. Одновременно ТОЛ является ведущей подсистемой более сложных социально-пространственных образований – территориальных общественных систем [14].

Представления о ТОЛ успешно формируются и в других науках. Так, по мнению Г.В. Еремичевой [2], ТОЛ – исторически сложившаяся и находящаяся в непрерывном развитии устойчивая социально организованная совокупность людей, объединенная единством проживания на одной

территории, а по мнению О.И. Шкаратана [15], это компоненты конкретно-исторического общества, в которых воспроизводятся целостные общественные структуры.

В итоге можно сформулировать следующие подходы к проблеме территориальной общности людей. Во-первых, ТОЛ – это разновидность социальных образований, складывающаяся в обществе независимо от воли и сознания людей и обусловленная определенными социально-экономическими условиями конкретного общества [10].

Во-вторых, это устойчивые целостные образования, в которых имеются все элементы и отношения общественной структуры общества – производительные силы, технико-организационные и производственные отношения, классы и социальные слои, социальные отношения, культура и т.д. Благодаря этому рассмотренные общности могут функционировать как относительно самостоятельные образования [2].

В-третьих, в зависимости от полноты целостности они могут быть крупными, когда охватывают все стороны общественной жизни, или локальными, если общность скреплена прежде всего системой расселения и трудовых поездок. Все это позволяет выделить в ТОЛ иерархические уровни.

В-четвертых, ТОЛ обладают разной силой территориальной обособленности и разной яркостью своей специфики, которые отличают их от окружения. В этом смысле можно говорить о модусе ТОЛ и района, т.е. о силе его выраженности на фоне других (в первую очередь соседних).

В-пятых, единство территории является залогом следующих главных факторов обособления и сплочения ТОЛ: интенсификации социальных контактов между членами ТОЛ благодаря их пространственной сближенности, сходства их исторических судеб и единство особой природно-ресурсной среды, которое придает специфические черты их общественной деятельности. Чем меньше расстояние между взаимодействующими людьми, тем сильнее отражаются на нем особенности среды, и чем дольше существуют условия взаимодействия, тем прочнее закрепляются в данной ТОЛ особенности, отличающие от других, включая самобытную систему ценностей, развитое региональное самосознание, т.е. основных элементов, слагающих собой региональную идентичность.

Таким образом, выявление особенностей региональной идентичности заключается в его зависимости от того, как именно человек воспринимает пространство и свое место в нем. В США вопросами пространства и места занимается целая когорта ученых во главе с И-Фу Туаном. По И-Фу Туану [18], пространство – это движение и действие, а место – это остановка и вовлечение. Речь идет о том, что человек часто определяет свойство обитаемого пространства, а не просто воспринимает его несколько, так сказать, неточно.

Другими словами, место – часть пространства, наполненное территориальным и социальным смыслом для человека, часть земной поверхности, которая для него не просто географические координаты, но определенный ментальный образ, культурный подтекст, совокупность

социальных отношений. Как правило, формирование места происходит при личном контакте человека с определенной территорией, однако это нечто большее, чем простое посещение, – это глубокое в нее вовлечение, установление глубоких социальных связей [9].

Таким образом, именно понятие «место» становится ведущим в географии восприятия. Место – это не личная рефлексия индивида на пространство как картину (ландшафт), а подлинная территориальная самоорганизация общества людей, его пространственная самоидентификация.

Территориальная самоидентификация, региональное самосознание, или одним общим словом «региональная идентичность», является ядром проблемы «открытия» районов в общественном сознании. Такие районы, образованные самим обществом, принято называть вернакулярными (от *англ.* vernacular – местный, народный, родной).

Согласно Т. Джордану [17] вернакулярные районы – продукт пространственного восприятия «среднего человека», нежели интеллектуальное создание профессионального географа. Следовательно, «искать» вернакулярные районы надо не в хозяйственных и культурных особенностях населения, а через их восприятие этих особенностей. И строить надо, в данном случае, не карты, отражающие реально существующие физико-географические или экономические особенности территории, а ментальные карты – как человек представляет себе (и делимитирует) окружающую его территорию. Построение подобной карты – первый шаг к выявлению вернакулярного района.

Исследование Р. Хейл [16] показали, что в США почти две трети территории покрыты вернакулярными («ментальными») районами, которые прекрасно знают местные жители и их соседи, а это значит, что на столь обширной территории страны жителям присуще отчетливое региональное самосознание.

Составление вернакулярных районов в России осложняется следующими факторами. Во-первых, еще в XIX в. С.М. Соловьев [12] писал о российской неукорененности, обусловленной отсутствием контрастов в природе Русской равнины, однородностью местностей, склонностью населения к миграциям. Во-вторых, Л.В. Смирнягиным [11] была выдвинута концепция об аспатиальности («внепространственности») русской культуры, т.е. об ослабленности чувства пространства, ослабленности реакции на него в главных его проявлениях – на расстояние, на границу и на место, подкрепленная высказываниями русских мыслителей, таких как Н.А. Бердяев и В.О. Ключевский.

Безусловно, имеются и другие суждения. Так, в пользу отсутствия «аспатиальности» говорит исследование Ф. Герен-Паса [1]: средняя доля респондентов, заявивших о своей привязанности к месту жительства в США (Айова), составила 67,6 %, в России – 96,9 %, в Болгарии – 71,5 %, в Польше – 67,9 %.

Так или иначе, в Советском Союзе чувство места было подавлено. В начале XX столетия новая сетка административно-территориального деления (АТД) рассекала старые уезды, разъединив сложившиеся районы. Любые горизонтальные связи были пресечены – все свелось к жесткой вертикальной структуре: центр страны – центр союзной республики – центр области – центр района. По названиям районных газет «Вперед», «Знамя», «Маяк коммунизма» далеко не сразу можно было воспроизвести их территориальную локацию, а по названиям улиц Ленина, Дзержинского, Маркса, Кирова, Урицкого нельзя было определить, где именно ты находишься: везде топонимическая стандартизация, везде одни и те же топонимы федерального значения, часто вовсе без намека на региональные и локальные особенности. Более того, в Советском Союзе в 1970-е гг. пропагандировались утверждения о ненужности для России тех или иных сельских поселений как якобы «бесперспективных».

В постсоветский период наблюдается возвращение к историческим названиям топонимов, шаг за шагом происходит возрождение как локальной самоидентификации, так и низового регионализма. К сожалению, системных исследований этой проблемы не проводится, более того, термин «вернакулярный район» вообще мало известен широкому кругу географов. Но, как уже говорилось, вернакулярные районы – создание отнюдь не профессионального ученого, поэтому они формируются и существуют даже при полном его «попустительстве». Хоть каркас советского АТД и «вдавился в территорию и оестествился» [4], но все же за прошедшие 10-15 лет без жесткого контроля сверху многие его границы «разлились», появились горизонтальные связи, местные власти стали действовать самостоятельно, без оглядки на центр субъектов.

У нас такие районы еще недавно можно было пересчитать по пальцам: Мещера, Полесье, Поморье, Даурия. Сегодня можно почти повсеместно наблюдать возрождение полузабытых районов (вроде Бежецкого Верха, Оковского леса, Селигера в Тверской области) или появление совершенно новых (например, Прихоперье на стыке Волгоградской, Саратовской, Воронежской и Тамбовской областей, «Муромские леса» на стыке Нижегородской, Владимирской, Рязанской областей и республики Мордовия, Кацкий стан в Ярославской области). В указанных районах, невзирая на сетку АТД, существуют активные внутренние двусторонние связи.

По мнению М.П. Крылова [6], Хоперский край является неформальным (неадминистративным) регионом, хотя он близок к недолго существовавшему Балашовской области и Борисоглебскому округу Центрально-Черноземного района. Этот край включает в себя «пограничные» части соседних областей и не имеет бесспорного центра или даже центра вообще. Хоперская региональная идентичность в сознании жителей Балашова, Борисоглебска и Новохоперска сочетается с воронежской, саратовской и тамбовской идентичностью.

С.Г. Павлюк [8] выделил три основных типа появления указанных выше вернакулярных мезорайонов. Во-первых, это историческая и

культурная общность территории (Мещера, Оковский лес, Бежецкий Верх). Во-вторых, это объединение (зачастую трансграничное) периферийных участков областей, слишком удаленных, а потому «забытых» административным центром (Муромские леса, район Сандово-Пестово-Устюжина). В-третьих, это районообразующая роль сильного (иногда внешнего) субцентра (Селигер).

Бежецкий Верх, пожалуй, самый явный вернакулярный район Тверской области: он обладает четким историческим наследием, сохранил свою топонимику даже в советское время, имеет высокий коэффициент узнаваемости. К тому же Бежецк расположен вдали от крупных населенных пунктов, что позволяет ему, даже при небольшом населении (30 тыс. чел.), считаться столицей северо-восточной части Тверской области. К Бежецку тяготеют (как исторически, так и экономически) Московский, Сандовский, Сонковский, Краснохолмский, Максаhtинский районы.

Оковский лес (Нелидовский, Оленинский, Жарковский и Западнодвинский районы) также «объединяем», в основном культурно-историческими связями. Упомянутый в «Повести временных лет» Оковский лес когда-то покрывал всю территорию Тверской области, но сердце его было именно в этом регионе, что находится между истоками трех крупнейших рек – Волги, Днепра и Западной Двины.

Существующую тесную связь Сандовского (Тверская обл.), Перстровского (Новгородская обл.) и Устюженского (Вологодская обл.) районов отразили журналисты в серии статей про «Долину трех петухов». Районы осуществляют совместные экономические программы, проводят совместные образовательные и медицинские семинары, но общее экономическое тяготение они испытывают к Череповецку (крупный город, ближайший экономический центр).

Селигер (местные краеведы употребляют термин «Страна Селигер») – также довольно узнаваемый и однозначный вернакулярный район, носивший в XIX в. титул «провинциальная столица России». Район никогда не «смотрел» на Тверь и нынче «контролирует» территорию дореволюционного Осташковского уезда – современных Фировского, Пенковского, Селижаровского и части Андреапольского районов.

Конечно, названные вернакулярные районы являются разными по глубине и продолжительности культурной и экономической интеграции. Если Бежецкий Верх или Селигер – давно сложившиеся культурные образования, то «Долина трех петухов» основывается в основном на дружеских отношениях населения районов.

Таким образом, в основе выделения вернакулярных районов лежат не бездушные производительные силы, а люди, наделенные свободой воли и, главное, сознанием и речью. Поэтому имеет смысл спросить самого человека о том, как именно он использует свою свободу воли для самоорганизации в географическом пространстве.

Это соображение может в корне преобразовать саму процедуру районирования, его исследовательский аппарат, методологию и методику.

Однако опрос населения дает очень мало, потому что рядовые жители нередко плохо представляют себе свою региональную принадлежность; нередко им невдомек даже суть вопроса. Сам опрос нуждается в работе ученого, в придумывании им способа извлечения нужных сведений из сознания респондентов, причем способы эти бывают иногда весьма вычурными.

В американской литературе сложились четыре методики исследования территориальных предпочтений жителей. Упомянутый выше прямой опрос представляет собой первую из них. Он наиболее прост по самой своей идее и, как правило, весьма сложен в практическом осуществлении – как при составлении вопросника, так и в проведении самого опроса. Поэтому он используется довольно редко: как правило, лишь при конкретных «точечных» обследованиях, без претензий охватить опросом всю территорию страны или значительный ее район.

В России монументальным исследованием с использованием данной методики является работа М.П. Крылова [7], который в результате массового опроса 3050 респондентов в 23 городах четырех областей Европейской части России установил существование развитых региональных идентичностей, в рамках которых формируются исторически обусловленные, оптимальные по размеру ячейки общества на мезоуровне, объединяющие индивидов на территории.

Вторая методика – это истолкование косвенных признаков в материальной культуре. Например, в работе Р. Хейл [16] главным источником выделения вернакулярных районов служили различные рекламные материалы, «воспевавшие» отдельные части страны ради привлечения в них туристов или покупателей. У В. Зелинского [19] есть несколько работ по географии крытых мостов, которые типичны только для культуры Новой Англии и потому служат хорошим маркером ее распространенности.

Третья методика использует статистику о движении по территории – движении людей, товаров или информации. Это прежде всего данные о трудовых поездках населения. Вполне логично предположить, что если внутри зон тяготения замыкаются трудовые поездки жителей, то у этих жителей вырабатывается стойкое представление об этих зонах как о районах своего проживания. Иными словами, своим поведением в географическом пространстве жители выдают свое представление о собственной территориальной организации.

Вариант той же методики – учет циркуляции местных ежедневных газет. Он кажется более косвенным, нежели вариант с трудовыми поездками, но на деле он гораздо более точно соответствует задаче выявления региональных предпочтений самих граждан. Выписка газет – личный выбор человека, это как бы голосование по поводу того, к какому крупному центру тяготеет его место жительства.

Четвертая методика – это исследование литературных источников самого широкого спектра: и путеводителей, записок путешественников, и

сугубо научных работ по фольклору, диалектам, этнографии, истории и т.д., а также произведений художественной литературы. Материал этот весьма труден для использования как из-за своей огромности, так и по причине малой внятности с точки зрения районирования как такового. Поэтому сколько-нибудь полный охват литературных источников – задача, посильная только коллективу ученых.

Разновидностью данной методики является подробное исследование топонимики. В данном случае под подробным анализом понимается не просто раскрытие смысла названия места, но и анализ, почему он был назван именно так и какие выводы на основе этого названия можно сделать о пространственной самоидентификации проживающего в нем человека.

Так, в работе С.Г. Павлюка [8] на основе изучения этимологии названий графств США и для понимания образа страны в целом были выявлены 113 северянских и 78 южанских (названных в честь героев Гражданской войны) графств. Кроме этого было выделено 8 типов графств, топонимы которых возникли в результате исторического преобразования дикой территории в освоенную. Считается что, переселяясь на новое место, трапперы и фермеры переносили туда как топонимию, так и свои привычки и уклад жизни. Как показало исследование, знание о том, как на самом деле люди видят и осознают территорию, где они живут, проводят границы (в том числе ментальные), дает бесценный материал для изучения, понимания и даже воздействия на общественную жизнь отдельных регионов.

В то же время М.П. Крылов [6] считает, что в случае изучения пространственной самоидентификации внешне доминирующая топонимика должна быть использована с осторожностью, поскольку реально она является лишь внешним фактором (нельзя говорить о меньшей силе пространственной самоидентификации в Тамбовском крае по сравнению с Ярославским на том основании, что в Ярославском крае есть его собственное, отличное от центра, имя – «Северный», или же по сравнению с Уралом, где регион имеет особое имя).

Применение вкуче четырех методик могут дать добротное представление о региональной идентичности. И хотя бы частичное их использование открывает путь к принципиально новым способам районирования – районированию через изучение региональных идентичностей и построение на их основе вернакулярных районов.

Библиографический список

1. Герен-Пас Ф. Откуда мы? О пространственно-географической самоидентификации жителей Франции / Ф. Герен-Пас // Этнографическое обозрение. 2005. № 5.
2. Еремичева Г.В. Социальное районирование СССР / Г.В. Еремичева // Планирование социального развития города. М., 1973.
3. Зиман Л.Я. Экономические районы США / Л.Я. Зиман. М.: Географгиз, 1959.

4. *Каганский В.Л.* Ландшафт советского пространства / В.Л. Каганский // Наука о культуре: итоги и перспективы. М.: РГБ, 1995. Вып. 3.
5. *Костомаров Н.И.* Об отношении русской истории к географии и этнографии / Н.И. Костомаров // Земские соборы. М.: Чарли, 1995.
6. *Крылов М.П.* Региональная идентичность в Европейской России: автореф. дис... д-ра геогр. наук / М.П. Крылов. М., 2007.
7. *Крылов М.П.* Современная российская региональная идентичность. Общество и пространство. Теоретико-методологические и дискуссионные вопросы / М.П. Крылов // Изв. РГО. 2006. Т. 136, вып. 6.
8. *Павлюк С.Г.* Вернакулярные районы в постиндустриальную эпоху / Павлюк С.Г. // Постиндустриальная трансформация социального пространства России. М., 2006.
9. *Павлюк С.Г.* Топонимика графств США: геокриптография идентичности / С.Г. Павлюк // Изв. РАН. Сер. География. 2007. № 1.
10. *Петров А.В.* Территориальная общность людей как объект изучения социальной географии / А.В. Петров // Изв. РГО. 1983. Т.115, вып. 1.
11. *Смирнягин Л.В.* Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре / Л.В. Смирнягин // Региональное самосознание как фактор формирования региональной политической культуры в России. М.: МОНФ, 1999.
12. *Соловьев С.М.* Чтения и рассказы по истории России / С.М. Соловьев. М.: Правда, 1989.
13. *Ткаченко А.А.* Территориальная общность людей в региональном развитии и управлении / А.А. Ткаченко. Тверь, 1995.
14. *Шарыгин М.Д.* Территориальные общественные системы / М.Д. Шарыгин. Пермь, 2003.
15. *Шкаратан О.И.* городская территориальная общность и ее воспроизводство / О.И. Шкаратан // Этносоциальные проблемы города. М., 1986.
16. *Hale R.N.* Map of Vernacular regions in America / R.N. Hale. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1971.
17. *Jordan T.* Perceptual Regions of Texas / T. Jordan // Geographical Review. Vol. 68, № 3. 1978.
18. *Tuan Yui Fu.* Languages and the making of place: a narrative-descriptive approach / Yui Fu Tuan // Annals, Association of American Geographers 81. 1991.
19. *Zelinsky W.* The Culteral geography of the United States (a revised Edition) / W. Zelensky // Englewood Cliffs. Prience Uall. 1992. № 9.